

Александр Климов-Южин

Мурашовка

Александр Климов-Южин

Мурашовка

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Климов-Южин
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К49

А. Климов-Южин

К49 Мурашовка / Александр Климов-Южин. – М.: Воймега,
2019. – 92 с.

ISBN 978-5-6041935-3-2

ISBN 978-5-6041935-3-2

© А. Климов-Южин, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Только и только

Память

Весь в долгоносиках, весь узловат,
Корчился ясень.
Переливался на крыльях закат,
Скор и прекрасен.

Попировали они до утра
И улетели,
Что не доели, спалила жара,
Листья сгорели.

Редок, как язь иль в Рязани удов,
В почве заноза —
Ясень мучительно долго растёт,
Но не берёза.

Тем же ты летом её посадил
В ту же воронку,
Свежеоструганный ствол оттащил
К дому, в сторонку.

Так и росла она. Этой весной
Глянул — о чудо!
Как приподнялся, как взмыл её строй
Ввысь из-под спуда.

Утром тяжёлую крону в окне
Ветер качает,
Да о тебе лежий ствол в стороне
Напоминает.

* * *

Видно, мне сил не хватает земных,
Спал на спине я свободно когда-то,
Вдарил во сне нехороший под дых,
На животе я обмяк, словно вата.

Жить высоко – труд нетяжкий, но всё ж...
Мыслилось к небу и к Богу поближе:
Речка, покос, колосистая рожь –
Я приземляюсь всё ниже и ниже.

Не остывает картошка в золе,
И никогда не закончится лето,
Я животом припадаю к земле,
Тёплой, единственной, солнцем прогретой.

Хочется в собственном доме пожить.
В самом обычном бревенчатом доме.
От комара тишину сторожить,
Пить из колодца, стелить на соломе.

Чтоб заходило в печи без труда,
Чтобы огонь в ней плясал мелким бесом
И чтоб поленница дров в три ряда,
Самых берёзовых дров под навесом.

Чтоб непременно – поддон, самовар,
Вытяжка, щипчики, сахар кусками;
Меди блестящей надраенный жар,
Щёки надутые, блюда, с краями

Полные. Хочется? Так я и жил
В доме у бабушки в детстве далёком,
Печку топил, на соломе стелил,
Об этаже не мечтая высоком.

* * *

Во времена интернета, макдональдсов и ипотек;
Байкеров, шопинга и барахла привозного,
Двигаясь к финишу, я доживаю свой век
Безоговорочно, и для меня не настанет другого.

Славно в глуши выключателем сеть отрубить,
А суетливую голову – от многотемья,
От беспокойства, и вечность времён ощутить,
Как непрерывное, то есть единое время.

В нём никогда не бывало античных времён,
Ни ренессанса, ни Медичи, ни Поликлета;
Ни иудея, ни эллина... Цивилизация – сон.
Я просыпаюсь, я жив, продолжается лето.

Только река, только отмель, песок и река.
Только берёза в окне и другая берёза.
Только река, лишь река, а не Дон, не Ока.
Только и только... И рядом другая, у взвоза.

* * *

Глушь, Глушицы, Клязьма, тьма,
Кра́дется туман в низинах,
Мышь скребётся в закрома,
Мужики плетут корзины.

Баба с прялкою сидит,
Плещут волны Ахерона,
В устье ширится Коцит,
В шаге замер лес у склона.

Ночь в провалах глаз слепа,
Словно два зрачка Гомера;
В небе лезвие серпа
Точит над жнивьём Церера.

Всё как тыщи лет назад:
Клязьма, темень, глушь, Глушицы...
Берег чудится впрогляд.
Крик бекаса, промельк птицы.

Давит первобытный страх
Всё сильнее год от года —
Видно, согнуть мне в местах
Оных, раствориться в водах.

Спят Клеобис и Битон
В стойле. Кто про утро знает?
Клязьма плавно в Ахерон,
Как вино, перетекает.

* * *

Исполать тебе, Николай Григорьич!
Дух твой светлый нынче в пчелу вселился,
В поминальный мёд, переплавив горечь,
В насекомое оное обратился.

И червит – расплодом отрадным, деткой,
И семья прибывает тяжёлым роем;
В рамках зреет мёд, и под каждой веткой,
В каждом первом цветке пчела, новостроем,

Новосельем оттягивает вошины,
Белизною отсвечивают ячейки.
У, какое лето стоит – картина
На заказ, дожди кропят как из лейки.

Всё тучнее в полях сурепка с кипреем,
Не роятся ульи – работы столько.
Не морковь на грядке торчит с пореем,
Дух медвяный настоян с полынью горькой.

– Ты же старая, еле таскаешь мощи,
Не по силам ветхим взялась за дело.
Эток в ульях мёда, – ругаю тещу.
Говорит: – Я летось в них не смотрела,

Как стояли, не глянула в них ни разу,
Не пойму, откуда чего берётся.
Дали б тысяч пять, продала бы сразу
По весне, а теперь и за семь не хоцца.

Хошь не хошь, теперь готовь медогонку,
На неделю, поди, тут теперь работы.
Разобрал редуктор, приладил шпонку,
Отдых побоку, скулы свело зевотой.

И хожу я липкий, хмельной и потный,
Выйду из дому, в глаз получаю с ходу.
Жало выдерну, бланш в пол-лица почётный,
И куда теперь со двора к народу.

Пчеловоду гнев в помощь друг не новый,
А спокойным я никогда не стану,
Звезданусь башкой о косяк дубовый –
Предков помяну и тебя помяну.

Это дух твой светлый в пчелу вселился,
В поминальный мёд, переплавив горечь.

Столько мёда нынче, ты б удивился...
Исполать тебе, Николай Григорьич.

Мурашовка

Валерию Дудареву

Вся земля поросла лебедой.
Как я там очутился?
То ли было всё это со мной,
То ли сон мне приснился.
Только помню на взгорке погост
И тропинку в ложину,
Борщевик по краям в полный рост,
На лице паутину.
Не амбар и не дом —
Весь в бойницах, под стоками кадки,
И разбросаны избы кругом
В безобразном порядке.
Незнакомая мне сторона,
И не скажешь, не охнешь:
Тишина, тишина,
От которой оглохнешь.
Мужичок-лилипут:
Крест нательный до брюха, толстовка.
— Как деревню-то вашу зовут?
— Мурашовка.
И как только сказал,
Солнце в яму скатилось, осело;
Сам куда-то пропал,
Тут же враз потемнело.
А на утро она уползла,
Ни бревна, ни погоста,
Будто вовсе совсем не была
Иль привиделась просто.
Да и сам я под стать мурашу —
Ноги зренью пеняют.

Мурашовка? Кого ни спрошу,
Про такую не знают.
Но какой ни забудусь тропой,
Водит память-ведовка.
Я на картах искал, нет такой...
Мурашовка.

* * *

Дело было ближе к маю,
Вышел из дождей:
— Погоди, дай угадаю,
Сам ты будешь чей.
Окунь щуку покрывает,
Окуня — плотва,
Ноне щука отдыхает —
Щука хорова.
Что прикормка, что проводка,
Мать твою едрить,
Видишь, сверху верховодка
У крючка царит.
Если б день ещё был ясен —
Снизу брал бы язь...
Отражался в речке яшень,
Цвёл у речки вяз.
Докурил, вдруг застыдился
И притух слегка,
В дождь носитель удалился
Датый языка.
Но ещё в ушах звучала
Дивным ладом речь,
Мокрой ношей до вокзала —
До порога с плеч.

Чехов

Рассвет, каштаны кронами вскипают,
Не разогнать ни скуку, ни тоску.
А в Мелихово вишни вызревают,
А в Ялте, верно, персики в соку.

Трофимов не найдёт никак калоши...
По пьесе дождик зарядил с утра...
Так ровненько внизу газон покошен...
В саду слышны удары топора...

Дни сочтены, курортный Баденвейлер —
Гонг: шницель, штрудель, красное вино;
Оркестр играет Штрауса (танцмейстер
Даёт урок), в открытое окно

Влетает шмель, развёрнута газета —
Внутри русско-японская война
В своём апофеозе, словно лето
В июле, и развязка не видна.

А он умрёт и так и не узнает,
Что в Порт-Артур вошёл победно враг,
И в правом лёгком просвистом зияет
Его «Кореец» и его «Варяг».

Он истощён. Проклятая чахотка.
Проклятый Сахалин. Проклятый Маркс*.

* Имеется в виду книгоиздатель Адольф Фёдорович Маркс.

И жизнь, как пошловатая кокотка,
Проходит мимо, но на этот раз...

Постскриптум. Пробка из бутылки страшным
Раскатом грохнет доктору вслед,
И как-то, право, стыдно быть несчастным
И в сорок пять, и пятьдесят пять лет.

Рахманинов

Забудешься под стук колёс,
В окно посмотришь: там не Прага
И не Берлин – песчаный плёс,
Рассвета вызревшая брага.

Будь то Люцерн, будь то Сенар,
Так без подобия знакомы
Стога, как мамонты; стожар
Верхи в крутых боках соломы.

И до сих пор туманит взор
Степной мотив России бедной,
То всеохватное крещендо,
То скрипок сумрачный минор;

Второй концерт: колокола,
Рояля в переливах звуки,
И в пастбищах пасутся руки,
И светлы в вётлах купола.

* * *

И вот наконец-то
Прохлада, спадает жара,
И чёрная мамба на сердце
Лежит до утра.

Она приползает,
И я в темноте не один,
И веки смыкает
Спасительный мелатонин.

По первому зову,
Скользнувши подмышкой, и вот:
Пушистую голову
В ямку межгрудий кладёт.

И сны прозревает,
В хозяйскую кожу вкогтясь,
И стонам внимает,
И ведаёт смертный мой час.

* * *

Как сказочно, необычайно
Раскрашены леса.
Под синевой исповедально
Желтеет полоса.

Бесплотной струйкой в отдаленье
Рядок берёз
Бежит попарно из селенья,
Нырря под откос.

Гудит протяжно электричка.
Скажи — забыл,
Что сам ты в осень бросил спичку
И опалил

Осины, ясени и клёны,
С платформ они
Горят, без солнца озарённые,
В такие дни.

Качнёт звенигородской веткой
В пути вагон,
И луковкам церкóвки редкой
В огляд поклон.

И как в последний день творенья,
Под ветра свист
Кончается стихотворенье,
Кружится лист.

* * *

Солнце нынче ярко, словно дискос,
Куличи идут святить весной
Люди, вот за здравие записка,
Вот ещё одна – за упокой.
Сверху вниз пройдуся не раз по списку.
Все ль моей рукою внесены?
Те, кто рядом, кто со мною близко,
Кто, увы, не дожил до весны.
Нет друзей и родственников бывших,
Взвешенных по Божьему суду,
Я люблю их, на земле отживших,
Будь они в раю или в аду.
Боже правый, Боже милосердный,
Души их спаси и защити,
Чтобы дьявол корчился и черти
Жарились на Пасху до кости.
Пусть изыдут, пусть, паскуды, знают,
Как моих друзей в аду пытаться,
Пусть они как смертные страдают.
А в раю чего ещё желать?!
Будет так, я сгину и воспряну
С литургией хлеба и вина.
За Петра, за Дмитрия, за Анну
И ещё два раза за Петра.
Всепрощенье, райские вам кущи,
Все былые распри – ерунда.
И, конечно, помяну живущих,
Чтоб не умирали никогда.

* * *

Сергею Попову

Внепланово, с инсультом, без страховки,
Хоть в памперсах, но мыслящий тростник,
Мой добрый друг лежит на Пироговке
И русский учит заново язык.
Он здесь притормозил на автостопе,
Как Гарпократ, беспомощен и нем,
Но умственно в нём, как в калейдоскопе, —
Ковёр, чередование фонем.
В палате день нескоро умирает,
Уходят сёстры белые, тихи,
Всю ночь он трудно флексии склоняет
И вспоминает Маршака стихи.
Глаголы, существительные... тише
(Молчит пресуществление времён),
Всё знающий, до срока позабывший,
На всякий случай всё же причащён
И этим успокоенный отчасти.
Где, где его мучитель логопед!
Уж он-то знает то, что у причастья
В недавнем прошлом будущего нет.
Вот стул, вот стол, коляска-колесница,
Окно, рассвет и дальше за окном:
Дорога, дом, деревья, ветка, птица,
Больница, завтрак, крыша, небо, дом.
Как просто всё, но непроизносимо,
В чернильницу погружено перо:
Окно, рассвет — он пишет без нажима,
А со стены глядит политбюро.

Пройдёт минуты две, и он очнётся
И передёрнет буквы в кадыке:
Как тесно слово в горле птахой бьётся,
Родная речь дрожит на языке.

* * *

Юлику Гуголеву

Студёный ветер – наконец
И пруд прямоугольной формы
Застыл, как стынет холодец;
Все основания бесспорны

Сходить в ближайший магазин
И выбрать добрую бульонку,
Отвергнув с ходу желатин:
От этой дряни мало толку.

Горошком перец, лавр да соль,
Доводим воду до кипенья...
Петрушка? Сельдерей? Изволь...
Всего часов на шесть терпенья.

Отходит мясо от кости,
В сиянье форм прямоугольных
Бульон остыл, застыл почти –
Прости нас, Боже, слабовольных.

Как холодец похож на пруд,
А пруд – на холодец. Торосы
Чернеют, сковывает спрут
Твердь изнутри, белы заносы

С краёв прозрачного жирка;
Поверхность матова, прожилки
Нежны, дорога далека,
Потеет горлышко бутылки.

К тарелке тянется рука,
Дрожит на вилке, веси мимо.
Всё ближе песня ящика,
Зима, и даль необозрима.

* * *

Свидетелями молчаливыми,
То против ветра, на подъём,
Издаюлка ориентирами,
А дальше легче, под уклон.

Стоит ли у дороги дерево,
Мелькнёт ли при дороге куст:
За это дерево ничеево,
За этот куст стремглав умчусь.

Я молод был, я был моложе и
Преображал их без труда –
Неторопливыми прохожими
Они брели бог весть куда,

Поймёшь не сразу, удаляясь
Иль с выселок навстречу мне...
О, чудо – дерево качается
И куст трепещет, как в огне.

* * *

Снег обрывается ниткой жемчужною,
День от крыльца начинает разбег,
Пахнет сугробом, как коркой арбузною,
Снег на колоде, на дереве — снег.
Радость в себе узнаю беспричинную —
Пахнет сосною, на свете бело.
Облачком тает над мокрой овчиною
Разгорячённого тела тепло.
Ухнет колун и со скрипом развалится
Мёрзлый чурбан, отвалившись к дровам,
А с половинки хоть обухом станется,
По четвертинке — как раз пополам.
Это зима заставляет нас двигаться,
Вышел из дома — без дела не стой;
То-то поленица щерится, дыбится,
Так-то мороз согревает зимой.
Это в наследство нам севером дадено,
Что ничего просто так без борьбы:
Газ провели, ишь поленьев навалено...
Плечи уставшие, дым из трубы.

* * *

Андрею Шацкову

Об основном просил и о немногом,
Сомкнув уста.
Молиться вслух?! Язык общенья с Богом
Есть немота.

Он понимает каждое наречье,
Коль от души,
Но особенно — горе человечье:
Так помолчим в тиши.

Оттаивают в сумерках метельных
Кристаллы слёз,
Бог видит всех из далей запредельных
Сквозь мириады звёзд.

Его глаза из каждого святого
Глядят в тебя.
Есть заповедь, в ней слов совсем немного:
Любим — любя.

У образа надвратного взлетает
Снежинок рой.
Перекрестись, на завтра полегчает,
И Бог с тобой.

Аквариум

* * *

Запомни всё это: как дождь ударяет по крыше,
Как ветер внезапным порывом тасует листву;
И день за окном похмуревший, и ласточку в нише,
Всё то, что пройдёт безвозвратно, — прошло наяву.

Цветение яблонь и первые завязи лета,
Помятые паданцы с бурым бочком в сентябре,
Шаги, тишину, механический лязг шпингалета,
Вечернюю грусть ощути и запомни в себе.

Припомни улыбку, податливость женского тела,
Под боком жену и всех баб перед сном невзначай.
Как быстро стемнело, как пела, как жизнь пролетела.
Запомни, здесь рай не почти что, а просто здесь рай.

Здесь весело летом, немного тоскливо зимою,
А впрочем, мне всё здесь любезно от брюк до манжет.
Запомни друзей постаревших и мать молодую...
Я помню. Зачем, если там даже памяти нет?

Прощайте, я всё позабуду и всех позабуду,
Я память сотру, как черты опадают с лица.
Я демоном буду, нет, всё же я ангелом буду —
Я сяду по правую сторону Бога-отца.

Хранителем стану, не бить же мне вечность баклуши,
Спасать безнадежных, без памяти грешных любить.
Нескоро покинут, возвысаясь до ангелов, души
Заслуженный рай, чтобы землю назад заслужить.

* * *

Вот человек мне навстречу идёт,
Попеременно машет руками,
Левой назад, правой вперёд,
Впрочем, нелепее двигать ушами.

Руки как ветки на свежем ветру,
Как рукава во дворе: без страховки
Воздухом полнятся поутру
И подсыхают на тонкой бечёвке.

Руки как хоботы, руки хвосты,
Руки как руки (добро с кулаками),
Руки умытые, руки чисты,
Руки умелые – руки с руками.

Руки с отмашкой, руки от плеч
Сгорбленных или, напротив, вальяжных.
Руки двойняшки, коих не счесть,
Руки в пальто, в свитерах трикотажных...

Руки? Ужель на исходе завод?
Руки в замке, неподвижная свечка.
Вон мне навстречу идёт пешеход,
Машет руками... Ликует сердечко.

Волков переулоч

Вдоль стены зоопарка пройдуь,
Пахнет стойлом, навозом, соломой,
Кумарином, вплетённым в скирду,
Шкурой древнею, случкой, истомой.

Городские здесь люди живут
В переулке с названием Волков:
Окна шире с утра распахнут,
Воздух глубже всей грудью вдохнут,
Нос заткнут и не выдохнут долго.

Жить бы здесь, я бы репу включил
И повыбросил нафиг кровати;
Я б лучину в стене залучил,
Я бы сайдингом стены обил
Под бревно и смостырил полати.

В пятикомнатной русской избе
Я б сдружился с кадушкой и с топкой
И с грибком на отвисшей губе
С отражением чокался стопкой.

Хорошо мне вот так сознавать,
Что напротив, за толстой стеною,
Антилопа – с детёнышем мать
И сайгаки с грустинкой степною.
Сычуаньский редчайший такин,
Белоснежная хрупкая лама,
Покоритель двугорбый пустынь,
Зебра-модница –
Та ещё дама.

Бутиковский переулок

Владимиру Бережкову

Здесь толстеют банкиры, плотнеют сановники,
Это ж надо с названием так угадать,
В чью головушку вкралось, не помнят Хамовники,
Бутиковским, прозрев, переулок назвать.

Хоть бутіков здесь нет, но, созвучные времени,
Здесь каркасы стальные царят и хай-тек,
Бутиковский – в стекле, без родства и без племени, –
Позабытый совсем человек.

А когда-то здесь жил академик Аверинцев,
Песни пел во дворе с Бережковым Смогул,
А теперь здесь ни дома живого, ни деревца,
Лишь воздушных потоков вибрирует гул.

А теперь ни стихов, ни гитары, ни лабуха.
Где твои воробьи, где разбитые лбы?
Жизнь проходит без вкуса, без цвета, без запаха –
Стало быть – без судьбы.

Мы с подругой отправились в Первый Зачатьевский,
Там и климат другой, две минуты пути.
Вот и лавочки, села, поправила платьице –
Что за бабочки там! А какие цветы...

Переделкино

Когда меня у кладбища спросили:
How do we find Pasternak? —
Я иностранцам путь к его могиле
Означил, и умчался кадиллак.

Спешил, но не дошёл до середины,
Потом допёр,
Что мне из возвратившейся машины
Предназначалось: jerk.

И впрямь я jerk, и вышла незадача,
Но тем смешней,
Что не могила им нужна, а дача —
Верней, музей.

Я к Сетуни спустился, улыбнулся,
Неслабый ветер дул,
И только через тридцать лет очнулся —
Да сам ты fool.

О, как мне незнакомо всё до боли,
До мелочей...
И некогда картофельное поле
Засеяно дворцами богачей.

А за заплотом мир не стал подробней.
Устав петлять,
Он опоздал, когда б во тьме к платформе
Шёл на шесть двадцать пять.

Невский проспект

Весь в золоте, сияет Невский,
На небе — плоская луна,
Шаги, толпы вечерней всплески —
Жизнь наперёд обречена.
Вот Белосельских-Белозерских
Дворец, дорогу перейду,
С шемякинских уродцев гейских
В витрине глаз не отведу.
И всё-таки, конечно, Невский
(Ходил я улицей Тверской),
И всё-таки есть повод веский
У Вольфа посидеть зимой.
И всё ж сопоставимы, спросим,
Буфет ажурный и комод,
Жилярди или Карл Росси,
Мордвинов или Деламот?
Вот то-то, несопоставимы...
Адмиралтейская игла,
Фонарь — Дом книги, мной любимый...
Здесь — не лужковская метла,
А ресторан, простите, «Палкинъ»,
А александровский ампир,
Здесь ходят люди, а не танки —
Блажен, кто посетил сей мир.
Но и они прошли, и нет их,
Прошли, как корюшка и сиг,
Всё это во-вторых, а в-третьих —
Я тот же тлен, я тоже миг.

Мундирам барышни Брюллова
Бросали под ноги платок,
А нос (майора Ковалёва),
Сморкнувшись, в вечность уволок.

Голос

Ирине Ермаковой

Я в Венеции, — голос
Приблизил смартфон,
Дребезжащий, но ближе,
Чем Публий Марон,
В лодке с Данте плывущий.
Ну конечно, узнал...
Дальше, чем Каннареджо,
Приоткрылся портал.
И пахнуло каналов
Застойной водой,
И весло оттолкнулось
От сваи гнилой.
О, Мадонна-дель-Орто,
Как красиво звучит,
О, Мария-дель-Джильо —
Я твердил имена.
Матта mia!
Я пасть открывал,
Словно кит,
И с гондолы Гольдони
Я зрел времена.
На Сан-Марко
Кормила ты с рук голубей,
В подворотнях торчали
Повсюду коты;
Адриатики небо, поди, голубей,
Низкорослого неба
И туч Воркуты.

Под крылом отдалялся
Сапог Апеннин,
Жаль, в Венеции я
Никогда не бывал.
Голубей, голубей —
Отдалялось с руки,
Голубей, голубей...
И закрылся портал.

Средиземное море

1

В середине земли, как под купол псалмы
Во вселенском соборе,
Поднимают валы многозвучий громы
И ревут в общем хоре.

И бугрятся умы, словно волны-холмы,
В просолённом растворе.
В середине зимы – это мы, это мы,
Средиземное море.

В середине земли, в середине зимы
Средиземное море,
Где-то ропщет вдали, набегая из тьмы
Белой пеной в дозоре.

2

А в шаббат просто так
Наполняются людом бульвары,
И владельцы собак,
Словно доги, идут сухопары.

Нет, конечно, не так, как собаки,
Но всё же поджары.
Сладко пахнет табак,
Дефилируют парами пары.

Одинокий семит
Изучает под пальмами прессу,
Город к морю спешит –
Тель-Авив так похож на Одессу.

Покидая этаж,
Свои доски несут сёрфингисты
На подветренный пляж –
Их волна принимает со свистом.

Как ужасный кистень,
Разбивают валы волнорезы,
И звучат целый день
Ре-бемоли в ушах, до-диезы.

И плывут посреди кутерьмы
Корабли на призоре –
В середине земли, в середине зимы
В Средиземное море.

Иерусалим

Древней, чем обнищавший Рим,
В подходах торных
Увидел я Иерусалим
С высот нагорных.

Как муравейники кругом,
С холмов домишки
Лепились плотно, к дому дом,
Казной в кубышке.

Вот так же я в лесах бродил
В безлико-сером,
Средь хвои, спичечных стропил —
Слыл Гулливером.

И мне не вспомнить, как вошёл
Я в старый город,
Небогомольный богомол,
Судьбой пропорот.

И травертин, и известняк —
Всё мне знакомо.
Я жил своей земле земляк,
Но здесь я дома.

Уж с минарета муэдзин
Сзывал собратьев,
Чернея пейзами, равнин
Шёл в чёрном платье.

Спускалось солнце на заклон,
Там, за стеною,
Спал легионов легион,
Где под плитою

Средь всех покоился и я,
Обезголосев,
И был я или Илия,
Или Иосиф.

Ещё вы Торы не прочли
От тех дотолё,
Из золотой моей земли
Восстал, как голем.

Тебя запомнил я таким,
Тут мне обрати:
Яале эт Иерушалаим
Аль рош симхати *.

* Подниму Иерусалим во главу радости моей (*ивр.*).

Кесария

Во времена Виталлия или Веспасиана
Можно проснуться поздно, можно проснуться рано.
Это в зависимости от того, кто ты —
Купец, кузнец или солдат пехоты,
То есть легионер, Ирод или наместник,
Грек, или финикиец, или из Рима вестник.
Можно тут быть разбойником или, по крайней мере,
Мытарем, рыбаком, только бы не рабом на галере.
Но вне зависимости, сколько у тебя денег,
Ты увидишь, как на кесарийский берег
Издали наплывает волна за волною,
На горизонте сливаясь с дымкою голубою.
Ты увидишь бухту цвета ультрамарина,
И фалерн плеснётся на дне кувшина.
Пусть сестерций скажет, чего ты стоишь,
Но помни, что ты — человек всего лишь.
Что ты уязвим, тлетворен, и с каждой минутой
Систола с диастолой сбои дают в моторе,
Клетки перестают делиться, печень раздута...
Не забывай о море. Помнишь? Memento mori.
Две колесницы из ворот Страбоновой башни
На ипподром выезжают, можно устроить шашни
С юной девицей, чья грудь ещё так невинна,
Можно всё, но финиш. Гудит окарина.
Во времена Оригена, храмовников или Саладина,
Во времена претории можно узреть дельфина,
Стаю дельфинов, плывущую к Гибралтару.
Если фалерн прокиснул на дне кувшина,
Можно курить в шезлонге, опустошая тару.

Аквариум

Леониду Колганову

Значит, точно зима — закрываются трисы.
Словно маркет, аквариум манит подсветкой.
Элодеи, высокие, как кипарисы,
Помавают слегка на течении веткой.
Я на сгустки гляжу приглушённые света,
И спокойное сердце ритмично, как мантры.
Удлиненным хвостом полоснула комета,
И гурами жемчужны бока из Суматры.
Пучеглазые монстры свои телескопы
Навели на меня, в довершение картины:
Гладиатор петух, всех загнавший за стропы,
В жёлто-рыжем-тигровом своём шубункины.
Из подводной среды шепчут мягкие губы —
Красных шапочек стайку относит струёю —
Там, на вашей земле, нравы жёстки и грубы,
То ли дело у нас, под водою, водою.
Как вы там без воды? Под водой, под водою
Воздух гонит компрессор, стекло между нами.
Наплывают они с золотой чешуёю,
Словно дауны с робкими солнцеглазами.
Засыпая в предчувствие Нового года,
Улыбаюсь во сне их беззубой улыбке,
Задыхаясь ...дыхаясь от кислорода,
Золотые мои дефективные рыбки.

* * *

Я вижу парк из окна хрустальный
И полукружий нечётких формы,
Верхушки елей пирамидальных
Среди деревьев Филёвской поймы.
И берег ближний, и берег дальний,
Где речка в дымке плывёт лениво,
От глаз сокрыта сплошным массивом,
Тем осязаемей, чем реальной.
И я подумал: как славно было б
Быть елью, скажем, иль этой речкой,
Чтоб тело напрочь в себе забыло
Совсем заботы и человека.

Быть этой елью,
Сидеть под елью
И быть её проходящей тенью.
Быть этой речкой,
Сидеть у речки
И быть её заодно теченьем,

Всё остальное предать забвенью,
Какое было бы утешенье:
Забвеньем быть и сидеть у речки,
Быть утешеньем, сидеть под елью...
Блеснула рыбка, плывёт дощечка,
И я очнулся до человека,
До человека по крайней мере.

Никто мне
не ответит

Василий Блаженный

То вороном каркнет,
То в церкви взгорлит петухом,
Веригами шаркнет...
По снегу в мороз босиком.

Люд к небу взывает,
А он закрывает глаза.
В нём Бог пребывает —
Он вместе вино и лоза.

Незряч, как от мора,
Повалится наземь народ,
От грозного взора
Глаза не отводит юрод.

Трясёт бубенцами,
Потеху приветствует шут,
Всегда с синяками,
За что и одет, и обут.

Василий Блаженный
На выходе царском сидит,
Нагой и согбенный,
Но правду царю говорит.

Смиреньем покорных
Юродствует царь-лицедей —
Смеётся с нагорных
Высот голытьбы иерей.

* * *

В Богом забытом местечке,
Где-нибудь увальнем жить,
Даром на маленькой речке
Мелкую рыбку ловить.

Утром – до слепости света,
Ночью – хоть выколи глаз.
Спать, бытовать себе где-то,
Истинно, не напоказ.

Землю лопатить безвестно,
Благословить свой удел.
(Что-то на кладбище тесно,
То-то народ поредел.)

Бить надоевшую мошку,
Осенью горькую пить;
Плущится дождь – по окошку
Капли раскосые – мжить.

Вот оно, честное счастье:
Мжить – нацедить грамм на сто
И умереть в одночасье,
Чтоб не заметил никто.

Три стихотворения

1

Как желанна жизнь:
Каждый день мне дорог,
Каждый в роще лист,
Каждый в поле шорох.

Воздух сух и чист
В середине лета,
Как прекрасна жизнь
В тишине рассвета.

Как беспечна жизнь:
Выедешь за город,
Петухи поют, пахнет огурцами.
О, какая жизнь —
Речка, хмель и солод.
Божий день завис
За семью холмами.

Как проходит жизнь...
Каплет дождь за ворот,
Жить не торопись,
И отступит холод.

В небе высоко пролетает птица,
Как же мне всего этого лишиться?

Как же это так,
Завтра, может случиться,
Бритым, натошак
С жизнью распрощаться.

Как мгновенна жизнь:
Каждому биению
Внемлет организм,
Как благословенью.

Женщины коснись —
В ней первооснова.
Как бездонна жизнь,
Повторяю снова.

2

Жужжанье мух, с припёком солнце светит,
Удушливо... грузовичок пылит вдали.
А люди где? — Ау! — никто мне не ответит,
Как будто по грибы все разом в лес ушли.
Но хорошо и так сидеть за чашкой чая,
Жизнь перелистывать с улыбкою назад,
Как тянет в сон... Умру и не узнаю,
Чем день закончился,
какой сегодня был закат.

3

Я умру во сне, и в сон
Отлетит душа моя,
Сквозь синеющий озон
В несказанные края.

Будет, лёгкого легка,
Любоваться с высоты,
Как ваяет облака
Холод углекислоты.

Спинами гигантских рыб,
Пожирающих планктон,
Сквозь просветы белых глыб,
Сквозь синеющий озон.

За морями есть края
Несказанной красоты.
Жизнь моя и смерть моя,
Что ей розы, что кресты.

* * *

Галине Нерпиной

Скрипит и хлопает калитка,
По лопуху ползёт улитка,
Ревёт вдали соседский скот.
И вместе с садом, огородом
Мой дом проходит над восходом,
И солнце над землёй встаёт.
К обеду набегают тучи,
И ветер рвёт с навозной кучи
Клеёнку, дождик моросит;
Воды до бортиков в корыте,
Земля по солнечной орбите
Летит, вращаясь вокруг оси.
Со всей своею атмосферой,
Циклонами и гидросферой,
Зверьми, растеньями, людьми,
Пресыщенная водородом,
Насыщенная кислородом.
Летят леса, поля, холмы.
Но с запада лягушки хором
Запели, за худым забором
Зарозовела лебеда.
Темнеет над Геленопонтон,
И к северу над горизонтом
Встаёт полярная звезда.
Идёт зима, пока вы спите,
Я прокатился по орбите
В своём пространстве временном.
Висят созвездья над сугробом.
Пру! Слава Богу, с Новым годом
Между Весами и Стрельцом.

* * *

Ещё не смолкнул гром, раздался треск:
Огромный дуб на запад завалился;
И за спиной его сомкнулся лес,
И ливень получасовой пролился.

Как будто бы кончался человек
(Я с ним всю ночь лежал в одной палате),
Он для меня остался имярек,
Истёк, но стрелки шли на циферблате.

Я дерева застал последний миг,
Последний вдох, как облако, аморфный
Пунктир его, мне вспомнился мужик,
Как он кричал, выпрашивая морфий.

Как он кричал, выпрашивая жизнь,
Все двести тысяч листьев так кричали;
Так я б кричал (не помню), окажись
Лет шестьдесят назад в своём начале.

Про свет-Кирилла и кота Баюна

Зимним утром от ворот поворот,
Едут сани, а в санях едет кот,
А на дровенках сидит свет-Кирилл,
Под овчиною свой чешет живот.
Вопрошает его кот: – Свет-Кирилл,
Я ль в ларях твоих мышей не ловил?
Я ль твоей не повинуюсь руке?
Отчего же я тебе стал немил?
Так отвечает ему свет-Кирилл:
– Сколько лет тебе, Баюн, позабыл?
Говорят, что ты умней стал коня,
Раз коня, умнее, стало быть, меня.
– Я ещё не стар, свет-Кирилл,
Сколько лет тебе служу, не забыл,
Просто ус я обмакнул в молоке,
Просто морда у меня – вся в муке.
– Хорошо, пусть ты меня не старей,
Но старуха тебя любит сильней,
Так чего уж говорить про детей.
Вишь, смеётся надо мной вся родня.
Просто наш обычай таков,
Что нельзя держать сверх срока котом,
Говорят, что в вас вселяется бес,
Как исполнилось пятнадцать – так в лес.
Отвечает ему кот: – Свет-Кирилл,
Я курятник от хорей сторожил,
Я твоих баюкал детей,
Я средь коршунов врагов себе нажил.
– Говоришь, что ты исправно служил:
Ты ль с лисою цыплаков не давил?

Ты ль улов мой из ведёр не ловил?
Ты ль в избе моей углов не мочил?
Так в ответ на укоризну – укор,
Долго длился нескончаемый спор.
А метель-то всё сильнее и сильней,
Накрывает свет-Кирилла и кота,
А сугробы всё тучнее и тучней –
Тихо, дивная на свете красота.

.....

Вот и дом за поворотом, скрип саней,
А на дровенках сидит кот Баюн,
Под овчиною лежит Мрак-Кирилл.
Всё. Настал Кириллу карачун.

* * *

Намокают валенки, дворы,
Снежные ошмётки.
С потрохами всё горит внутри
От вчерашней сходки.
След собачий, жёлтый от мочи,
Льдышкой застывает,
Стылый ветер, как тепло в печи,
Душу выдувает.
По щетине проведу рукой –
Рыхлый снег как ситно.
В белом поле и во тьме ночной
Ничего не видно.

* * *

Из Фёта в Фета превращенье,
Так русское стихотворенье
Начнёт с анапеста, глядишь,
В концовке выскочит трибрахий,
Ты сам того не уследишь.
Итак, не Фёт, а Фет писахи.
Итак, распаханное Е
На эмпирей возносит Фета,
Фита привиделась во сне,
Начищенная, как монета.
Лишь кокон бабочки висит
Беспомощно на сочлененье,
Летать – какое упоенье,
Как? Знает лишь один пиит.
Но бабочек недолги дни,
Гудят тяжёлые шершни.
Остится колос наливной,
Под шум дождя проходит лето,
Ужель строку сменяет смета?
А крылья где? Пора домой:
То едет новый дворянин –
Именьям своим Шеншин.

Брату

В. Д.

Звонили нечасто, хотели рыбачить в июле.
Я снасти готовил и фидер покрепче купил.
Ты выбыл из жизни, как будто тебя умыкнули,
Как книгу на полке, хоть ты их читать не любил.
«Помилуй нас, Боже», — в сторонке со свечкою тонкой
Крещусь троекратно, смотреть не пытаюсь на гроб.
Я мог бы уже и не быть, оказавшись под тройкой,
Но ты оттолкнул меня вовремя в талый сугроб.
От ног в сантиметрах со скрипом проехали сани,
Слегка пристяжная небольшо лягнула меня;
И ел я у бабки блины, обмакнув их в сметане,
И пьяные видел белки коренного коня.
Совсем далеки от тебя наши сосны и ели,
Прекрасное детство, где, помнишь, смыкались дома,
Оркестры, литавры, гуляния в парке, Гарели,
Подснежники, лето, катания с горок, зима.
А помнишь, на Пасху любили ходить на могилы,
Где каждый покойник любим был, а значит, живой?
И яйца краснели, и хлюпали в лужах настилы,
И взгляд веселили пригорки своей пестротой.
Не помнишь, не внемлешь, не знаешь, не видишь, не дышишь...
Сегодня я встал и сравнялся с твоей тишиной,
Ну что тут сказать, я молчу — ничего не попишешь,
Вот всё же пытаюсь, и лето идёт за весной.

* * *

Только от этой реки пахнет Тезою,
Только в Тезе так специфически пахнет вода,
Даже смородинный лист в кипятке бесполезною
Попыткою вкус перебить не победил никогда.
Полднем радостным пахнет, детством, уклеякой, кувшинкою,
К ней, раскрывшейся, томной, по-собачьи плыву;
То на дно топором, то легчайшей былинкою
На поверхности бог весть как держусь на плаву.
Я и сейчас на плаву весть бог как, но всё-таки,
Хоть живу незатейливо, но всё же пока без нужды.
И не плыть же назад, переплыв полреки, опаньки:
На всю жизнь нахлебавшись водички, водицы, воды.
Накренившись берегом, наклонённою ивою,
Климовым-Южиным стареньким над рекою притихшей зависнь.
Вспомни папеньку, маменьку, затяни их песню любимую
Про зелёную ивушку, в отраженье позорче взглядишь.
Это жизнь продолжается, пахнет речкою Тезою,
Клянусь — ни в единой реке так не пахнет вода.
Детством пахнет, кувшинками... Щетинистою антитезою,
Промелькнувшею рыбкою пропадаю на дне без следа.

* * *

Забор, калитка, прошёл автобус,
Бельё, защепки, верёвки, двор.
Играли вы, я поймал вас в фокус,
И заработал внутри затвор.

И вы остались в кадре, застывши
В преломлении лучей,
Волян по ветру запустивши
Впритирку с близостью ветвей.

Как взмыли к небу ваши лица,
И длился вечность его полёт;
Он был как хвост от голубицы,
Он никогда не упадёт.

Нет, никогда не пожелтеет
Берёзы молодой листва,
И двор по-прежнему зеленеет,
Пусть смех оборван, но ты жива.

То ветер в кронах остановился
И к северу ветвей пробор
На южный не переменялся
С тех самых лет, с тех самых пор.

Забор, калитка, сосед некстати
Влез в кадр, защепки, верёвки, дом...
О, как я помню это платье
С ирисами жёлтыми на голубом.

Из моего окна

* * *

На небе пасмурная роза,
Слегка кровавится заря,
Апрельским утром Каракозов
Выходит убивать царя.

Рогатой тенью адюльтера,
Покинув утром женский кров,
Спешит вдоль Мойки с револьвером,
Как на работу, Соловьёв.

Не клиника ль террора бредни?
Желание царя убить
Ни обострением весенним,
Ни тупостью не объяснить.

Лишь жертвенностью, может статься,
Но государю всё равно
Освободителем остаться
В своём народе суждено.

Остаться в профиль на монетах,
Червонцем золотым, рублём;
Весна, проехала карета —
В России страшно быть царём.

У Рысакова вид бомбистский,
Убойся, Бога не гневи,
Где ставит точку Гриневицкий,
Там храм поставят на крови.

* * *

Не будет больше ни Москвы, ни Рузы,
Весны и прибывающего дня.
Ни Кая и ни кия, праздно лузы
Обмякнут без меня.
Ни с клёцками похлёбки флотской,
Жены не будет, женщины другой.
Не будет этой улицы Филёвской,
Ни Малой, ни Большой.
Не будет ни Киньяра, ни Франзена,
Ни книг, что я любил.
Господ Обамы или Ж. д'Эстена,
Сам Путин мне не мил.
Ни моря Чёрного, ни Украины
В составе СССР,
Земную жизнь пройдя до середины,
Я поседел.
Я преуспел
В понятии, что ничего не вечно,
Не навсегда.
Заглянешь вниз, а над вселенной млечно
Бдят города.

* * *

И вот когда мне стало пятьдесят,
Я говорил себе – ещё лет двадцать.
Положим, смерть. Ну что с меня ей взять.
Ведь умереть – не на рояле сбавать.
Кто обещал мне эти двадцать лет?
А я имел в виду, конечно, тридцать,
Гипертония, сердце, диабет,
Когда бы Тель-Авив, когда бы Ницца.
Когда бы там, когда бы не в Москве,
Где в Думе прославляют медицину,
Где сквозняками ветер в голове.
– Карету мне, вакцину мне, вакцину!
Я говорю: меня почти что нет.
Осталось жить и на ночь ставить Грету
Гарбо, мечтать – в конце тоннеля свет,
Куриль за сигаретой сигарету.

* * *

Даже таджики ещё не прошли,
К бакам не выехал мусоросборник,
Вот и перрон показался вдали:
Касса, часы, измененья на вторник.

Как я любил эти будние дни –
С птичьей трёхлапкою и с ледобуром,
Промельки скорых, вокзалов огни,
Всех мужичков с нехорошим прищуром.

Как я из лунки любил выгрести
Льдинки украденной с кухни шумовкой,
Мать вспоминать, изрекать – твою мать,
Нежно юродствовать над трёхлитровкой.

Бдящий над прорубью вечности страж,
Обогревающий рифмой окрестность,
Так и вмерзаю в российский пейзаж,
В эту суровую, жуткую местность.

Так и запомнят до дрожи меня
Этих мостков задубевшие сваи,
Лес, исчезающий в сумерках дня,
В ржавом закате кривые сараи.

* * *

Вроде всё идёт своим чередом:
Магазин, работа, соседи, дом.
Накопилась усталость под Новый год –
Стресс снимаешь градусом, ноет под
Ложечкою, значит, панкреатит,
Ах, не спрашивай, что там ещё болит.
Только кто-то переводит стрелки назад,
Просыпаешься – за окном снегопад.
Что видел во сне? Где верх, где низ?
И какой такой ангел на стрелке завис,
Что не надо ни лекарства, ни докторов,
Понимаешь, что совсем, ну совсем здоров.
Чудо какое-то, волшебство...
Новый Год, Сочельник, потом Рождество.
Вроде всё идёт своим чередом –
И не треснул лёд, и не грянул гром.
По щеке ладонью проводишь – привет!
Щёки – вот они, а щетины нет.
А когда я брился в последний раз,
Так давно это было, не вспомню сейчас.
Значит, время шло, а я в нём не жил,
Делал вид, что с работы домой спешил.
А во сне я видел мать и отца
И молитвами их молодел с лица.

* * *

С думкою лёгкой, как с дымкою
Около тёмной воды,
С рыбкой на дне невидимкою,
С воздухом пьяным в груди.
С лёгкой бамбуковой удочкой,
Тайной глубин обуян,
Мнится мне — с ивовой дудочкой
В зарослях прячется Пан.
Гладь бездыханная пучится,
Видно, я начал стареть,
Начал я совестью мучиться —
Пойманных рыбок жалеть.
Жалко мне стало карасика,
Жалко мне стало гольца,
Жалко ерша-пучеглазика,
Жалко беднягу ельца.
Хоть бы и щуку-разбойницу,
Если б поймал, отпустил
В речку на вольную вольницу,
Все б злодеянья простил.
Жалко червя мне навозного,
Жалко личинку, но вот
Жалкий объект неопознанный —
Трётся у ног моих кот.
И, к своему изумлению,
Приподнимаюсь — клюёт.
Каждому внемля движению,
Тут же и кот привстаёт.

Разве в своё оправдание
Можно сказать что-нибудь,
Разве его ожидание
Мыслимо мне обмануть.
Заживо, может, съедение —
Способ гуманный, когда
Плоточке вышло б мучение —
Тёщина сковорода.

* * *

Всё побито мучнистой росой,
Что ни год, не известь фитофторы,
Но со старческой верой тупой
Ждёт — созреют вот-вот помидоры.

Вновь весной для кого и на кой
Ты рассаду растишь на терраске
И на солнышко ранней весной,
Как младенцев, вывозишь в коляске?

Всё заранее ясно, и здесь
Перейти бы пора к эпилогу:
Ни зола, ни бордоская смесь,
Ни чесночный отвар не помогут.

Зря ты палочкой брызжешь сенной
В укрепленные гнезда мицелий,
Исподволь затевается бой,
И бегут батальоны бактерий.

Ну каких тебе надо, скажи?
«Граф Орлов»? Покрасней? Краснодарских?
Сотню? Больше? Своих? — не смехи.
Сто за штуку? С кулак — абаканских.

Но с больными ногами, как слон,
Поливаешь ты корни из кружки
И частишь за поклоном поклон,
Как пристало бы в церкви старушке.

Нет тебе до других больше дел.
Я-то знаю, зачем и откуда
Эта блажь, чтоб томат заалел,
Эта вера не в Бога, но в чудо.

Ночная бабочка брамея

Тебя я вырезал из тлена.
Всё это было как во сне,
Ночная бабочка Родена,
Ты льнула, бедная, ко мне.
Твои готические крылья,
Резные, как кленовый лист,
И старомодная мантилья,
И крыльев розовый батист –
Всё выдавало шансонетку
Вульгарную расхожих лет,
И сквозь муаровую сетку
Просачивался ровный свет.
Ты села на моё предплечье,
Припудрила слегка свой нос,
И было что-то человечесьё
В твоём движенье, как вопрос.
Да, что-то было между нами,
Но насекомое скорей,
И над росинками-глазами
Всходили щёточки бровей.
И понял я: ты – мойра, дева,
Одна в трёх лицах. Точно так,
Анфас, летящими налево,
Изображал вас Кароль Бак.
Там были шорохи, созвучья
Средь листьев, отсветов, теней.
С тобой мы были неразлучны
И неразъятны, хоть убей.

Чешуйчекрыльчатого тела
Я ощущал в себе распад,
И только утро забелело,
Вдвоём с тобой мы вышли в сад.
Расправила в полёте крылья,
И голубые два глазка
Мигнули мне не без умилья,
Как показалось, два разка.
Прощай, Надина, Ольга, Лея,
Лети и сердце мне разбей.
О Боже, то была брамея
Печальной юности моей.

Сысоев

Имя было его нарицательным,
Сокращённо – сысой,
Со спокойствием бессознательным
Дружил с тишиной.
Старость – лживица та ещё,
С крестом у одра,
Не говорили: на кладбище,
А – к сысою пора.
Помню каменку к пристани,
Помню дом средь могил,
Где однажды воистину
Он родился и жил.
Как по этой-то каменке
Мчался стрелой
Вдоль ограды до папеньки, маменьки,
Припозднившись домой.
Говорили, что разумом двинулась
У сысоя семья,
Что безносая дурой прикинулась,
А по сути родня.
От расстройств и бессонницы
Врачевала их мать,
Но однажды на Троицу
Вышло время самой умирать.
– Паря, ты не печалуйся, всё будет путём.
Для Ирины Геннадиевны мы местечко найдём.
Там песочек, место высокое, чистá земля,
Царствие ей небесное, и не взял ни рубля.

Что сказал, то и выделил,
И теперь по прошествии лет
Не припомню, как выглядел:
Ведь у смерти обличия нет.
Да неважно, как выглядел,
Что было потом...
Больше дом мы не видели,
Раскатали по брёвнышкам дом.
А Сысоев к сысою отправился,
Упокоился, всех расселя,
А сысою Сысоев понравился,
И ему за старанья — земля;
Там, где место высокое, чистое,
Там, где век сторожил.
Там могилка его неказистая,
Родился... жил...

Про зайца

В год, когда сдуру крючок я вдербанил в палец,
Шёл я из дома иль с удочкой шёл домой,
Вдоль побережья скакал сумасшедший заяц
И пропадал в осоке линии береговой.
Треск услышав, как спринтер, не за морковкой,
Задом хилея: чуть западая вбок,
Так он бежал наперегонки с моторкой
И пропадал за линией береговых осок.
В год, когда в палец крючок я всандалил сдуру
Вместе с бородкой, у самой кромки воды
На опустевшем пляже его аллюра
Помню впечатанные в мокрый песок следы.
Как я смеялся, можно сказать — до колик.
Он приближался, слышав мои шаги.
Вовсе не заяц, наверное, то был кролик...
— Заяц! — кричал я, — беги, кролик, беги!
Утром над старой берёзой вороны реют.
Скрипнет калитка — заяц. Под сердцем — ёк!
Зайцы на лис охотятся и борзеют.
Вырвали с мясом мой мужики крючок.

* * *

С переправы стопудовой,
На пути нескором,
Так что не изречь.
Заглянул я ненароком
В детство Иры Ермаковой –
В город Керчь.

Прозревал по силуэтам,
Рыскал в толкотне.
Может, здесь, а может, в этом,
Может, в том окне.

Где купалась, что читала,
Глядя на Тамань.
В пенной гальке собирала
Сердоликов дань.

Может, в том, а может, в этом.
Где – бог весть?
По акации приметам,
В летнем воздухе согретом,
Значит, здесь.

Как античного Боспора,
Больше нет страны.
В этом городе, в котором...
С чётной иль с нечётной стороны?
Вечерело и накрыло
Мглой Тьмутаракань.
Что любила? Как стокрыло
Умыкнула юность за Тамань.

* * *

Безрадостные степи Киммерии,
Как выедешь за Керчь,
Степной пейзаж тоскливей, чем в России,
Как будто смерч
На раз метлой, огромный и жестокий,
Всё вымел на пути.
На много вёрст здесь горизонт убогий,
Здесь нечему цвести.
Не встретишь ни чинары, ни кизила,
Две-три овцы
Друг к дружке жмутся робко и уныло,
Ногаец под уздцы
Ведёт коня во двор чумазой хаты,
На шее – кнут,
Да где-то в поле бродит скот рогатый –
Так здесь живут.
Так не живут.
И летом, и зимою
Насвай жуют,
Обделены судьбою и водою,
Цистерну ждут.
Не то чтоб нищета, в помине
Её здесь нет,
Но не добавит радости к картине
И звон монет.
Как безысходны степи Киммерии,
Чуть выедешь за Керчь,
Степной пейзаж тоскливей, чем в России.
Отрадной в землю лечь.

И вот когда глаза совсем сомкнутся,
И утрясёт мозги, как саквояж,
Попробуйте въезжая не проснуться —
На феодосийский пляж.
Дорогою измучен дальней,
Замрёшь невольно совкой у окна,
И сердце рвётся к морю, и желанней
Стократ волна.

Пятый романс

Надежде Сосновской

Ваяет облака рукой незримой холод,
У моего окна сию я дотемна,
Внизу шумит Москва, но я не вижу город
Из моего окна, из моего окна.
Из моего окна шум улицы несносен
И только днём видна поблѣкшая луна;
Я видел столько зим, я видел столько вѣсен
Из моего окна, из моего окна.
Из моего окна я вижу в небе точку,
И тянется за ней инверсионный след,
А самолёт проткнул, как шарик, оболочку,
А лѣтчик улетел в Итаку на обед.
Из моего окна, как рыбы на призоре,
Ныряют дни, и вспять уносит их волна.
Я помню эти дни и тень крыла над морем
Из моего окна, из моего окна.
Из моего окна день чист и светоносен,
Синее синева, всё глубже глубина —
Не обмануть меня, я знаю — это осень
Из моего окна, из моего окна.
Натянута струна: всё б зрелищ нам да хлеба,
И жизнь моя в окне ночном отражена,
Что если никогда я не увижу неба
Из моего окна, из моего окна?..

* * *

Жёлтый парашют над Коктебелем,
Киммерийский мрак.
Кучук-Енишар, полынь и сели
Синей глины, справа – Карадаг.

Всё мне снится лунная дорожка,
Лодки протекающее дно,
Как мы отпивали понемножку
Из стакана вместе бастардо.

А на местном говорят: бастарда,
Губы пей.
Бастардо, бастарда,
Ну и ладно –
Им видней.

Расплавалась лунная дорожка,
Где волна чернела за волной,
Пили, целовались понарошку,
Заедали красной бастурмой.

Никогда я не был на Босфоре,
Не забыть мне влажных тех ночей,
Как в её зрачках мерцало море,
Ты меня не спрашивай о ней.

* * *

Море и виноград,
Который нельзя мне, —
Вот всё, что мне нужно,
Чтобы я — на спине, поплавок — на волне,
Чтобы южно
Цвёл миндаль и каштан,
Рокотало и грело;
Чтобы пляж был песчан,
Пусть и галька, чтоб небо синело.
Непривычно ступням,
Неудобно ходить по гальке.
Я не молод, не стар,
Коли грустно, не нужен мне «Яр»
И у Тестова
Вовсе не нужно селянки.
Только море,
Разве можно при виде его
Думать о смерти?
Море — это легко,
Море — это как деньги в конверте,
Чтоб поехать на море.
Нет, у моря только о вечном:
Об Овидии, Плинии Старшем...
Не о первом там встречном и поперечном.
Ну а если под солнцем палящим
Набережных Ялты иль Коктебеля?
Не о вечном же в самом деле
Думать, только о настоящем.

С женщин, как макияж,
Сползает замужняя официальность.
Женщина – это реальность,
Женщина – хит продаж,
Если она у моря.
Впрочем, прошу простить за маленькую ремарку:
Лично вот я им всем предпочитаю кадарку.
Выпью: и с зонтиком кружевным,
В шляпке с вуалью –
Книппер-Чехова, с очень прямой спиной.
Неприменно в корсете,
Неизменно с лорнетом
Идёт и любитесь сизой далью,
Она и она – эта даль только и есть на свете.
Так идёт она в ботиках, словно посуху в море,
А потом пропадает за дымкою голубою.

* * *

Тень от мола и с удочкой тень рыбака
Да в эфире струящийся стронций,
Словно птицы, тянулись на юг облака,
Прикрывая полдневное солнце.

Сколько раз я пытался всё это заснять,
Только что это? Горе мне, горе...
Забывало синеть, забывало сиять
Переливами Чёрное море.

И действительно чёрным казалось оно,
Из глубин поднимаясь, на снимке
Выходило черно, то ли с кремнием дно,
Вроде будто как в крепе иль в дымке.

Но увидел вдали Карадага резец,
Полуэллипс широкий залива;
Всё, что в славе создал первозданной Творец
И от тверди отсёк терпеливо.

У нудистского пляжа крутили фокстрот
(Всё минуло, а это осталось) —
Как кретин, белым местом присел на капот,
На обзор выставя свой фаллос.

И пока по тропе я карабкался ввысь,
Проходящей вблизи у обрыва,
Растворился фрегат, уходящий за мыс
По волнам быстротечным прилива.

Я ж досадовал — выжил совсем из ума,
Оставляя свой в номере кодак, —
А в долине у моря роились дома,
Днища белые дыбились лодок.

То ли «мать твою» вырвалось, то ли «эх-ма!».
Только память точней объектива:
Всё пройдёт, скроет день киммерийская тьма —
Расширяется перспектива.

* * *

Памяти Александра Смогула

И снилось мне: однажды самолёт
Из Гамбурга проделал перелёт
И в поясе московском приземлился,
Но без тебя. – Приехать не могу,
Билеты сдал, до встречи – ваш Смогул.
Тут с телеграммой почтальён случился.

С. С. не умер, где гулял Клопшток,
К обеду выдавая свой стишок, –
Он Эльбою гребёт при полном штиле;
Или, девиц оценивая стан,
Он медленно спешит по Репербан,
Сказать ещё точнее – греховной милей.

С. С. живой. Он в пабе пиво пьёт,
Он туркам «Варю Панину» поёт,
Внимают немцы, отложив шпикачки;
Хозяин панибратствует: майн готт –
И угощает, хоть отменный жмот,
Дурацкие подкручивая бачки.

С. С. живёт, хотя б и вдалеке:
Сутулится, выходит из пике,
Совсем, совсем забыл про нашу Рашу.
Неметчина не то чтоб хороша,
Но бытом охраняется душа, –
А я любил, люблю живого Сашу.

* * *

Ни запах борща, ни сгущенье углов,
Ни утварь, ни мебель какая –
Бесплотные люди приходят из снов,
Пространство живых заселяя.

И эхо пропало, и гасится звук,
Как будто незримые духи
Крыла распростёрли иль вывихи рук,
И звуки не звуки, лишь слухи.

Глухие, шипящие. Ропот и стон –
И больше не слышно согласных.
Где звонкая ода, где кухонь центон?
Где страсти, где рёв громогласных?

А было так гулко, что звякнешь ключом
Иль воду сольёшь в туалете,
И флаттер в прихожей заплещет ручьём
И скроется в комнате третьей.

Содержание

Только и только

Память	5
«Видно, мне сил не хватает земных...»	6
«Во времена интернета, макдональдсов и ипотек...»	8
«Глушь, Глушицы, Клязьма, тьма...»	9
«Исполать тебе, Николай Григорыч...»	10
Мурашовка	12
«Дело было ближе к маю...»	14
«Не заметил, как жизнь пролетела...»	15
Чехов	16
Рахманинов	18
«И вот наконец-то...»	19
«Как сказочно, необычайно...»	20
«Солнце нынче ярко, словно дискос...»	21
«Внепланово, с инсультом, без страховки...»	22
«Студёный ветер – наконец...»	24
«Свидетелями молчаливыми...»	26
«Снег обрывается ниткой жемчужною...»	27
«Об основном просил и о немногом...»	28

Аквариум

«Запомни всё это...»	31
«Вот человек мне навстречу идёт...»	32
Волков переулок	33
Бутиковский переулок	34
Переделкино	35
Невский проспект	36
Голос	38
Средиземное море	40
Иерусалим	42
Кесария	44
Аквариум	45
«Я вижу парк из окна хрустальный...»	46

Никто мне не ответит

Василий Блаженный	49
«В Богом забытом местечке...»	50
Три стихотворения	51
«Скрипит и хлопает калитка...»	54
«Ещё не смолкнул гром, раздался треск...»	55
Про свет-Кирилла и кота Баюна	56
«Намокают валенки, дворы...»	58
«Из Фёта в Фета превращенье...»	59
Брату	60
«Только от этой реки пахнет Тезою...»	61
«Забор, калитка, прошёл автобус...»	62

Из моего окна

«На небе пасмурная роза...»	65
«Не будет больше ни Москвы, ни Рузы...»	66
«И вот когда мне стало пятьдесят...»	67
«Даже таджики ещё не прошли...»	68
«Вроде всё идёт своим чередом...»	69
«С думкою лёгкой, как с дымкою...»	70
«Всё побито мучнистой росой...»	72
Ночная бабочка брамея	74
Сысоев	76
Про зайца	78
«С переправы стопудовой...»	79
«Безрадостные степи Каммерии...»	80
Пятый романс	82
«Жёлтый парашют над Коктебелем...»	83
«Море и виноград...»	84
«Тень от мола и с удочкой тень рыбака...»	86
«И снилось мне: однажды самолёт...»	88
«Ни запах борща, ни сгущенье углов...»	89

Александр Климов-Южин. Мурашовка

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 11.03.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5,75.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6041935-3-2

9 785604 193532

Независимость духа от тела, независимость слова от голоса, независимость внутренней истины от формальной своей оболочки. Стихи Александра Климова-Южина суть переход в зону чистого, абсолютно-го смысла, где высшая форма времени – это его отсутствие, высшая форма поэзии – тишина.

Елена Погорелая

В стихах Александра Климова-Южина редкая, без навязчивости и акцентов, точность ощущений природного человека в современном мегаполисе. Верность традиции, преображённой мягкой самоиронией, восхищение подробностями жизни – листом, каплей, жуком – чудесным образом складывается в картину цельности мира Божия: поэзия бессмертна.

Ирина Ермакова

ISBN 978-5-6041935-3-2

9 785604 193532